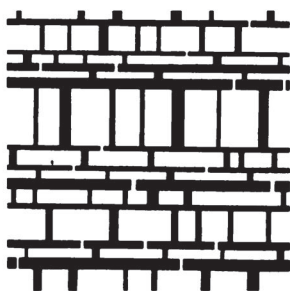

КЛАССИКА
ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ

А.Ф.Грязнов

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Составление и редакция
А.А. Лавровой

Москва
«Высшая школа»
2006

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ МЕСТО В КУЛЬТУРЕ XX века

Понятие «аналитическая философия» получило распространение в отечественной философской литературе относительно недавно. Этим понятием обозначается одно из наиболее значительных философских направлений современности. При этом как в русскоязычной, так и в зарубежной историографии встречаются различные, подчас противоположные, интерпретации этого понятия. У нас об «аналитической философии» серьезно заговорили лишь в 80-е годы, хотя исследование конкретных концепций философов-аналитиков осуществлялось задолго до этого.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению вопроса, уместно будет попытаться дать предварительное определение аналитической философии. Точнее мы будем говорить о *двух* смыслах, в которых следует употреблять данное понятие. В узком смысле слова под аналитической философией мы будем понимать доминирующее направление в англоязычной философии XX века, прежде всего в послевоенный ее период. Любопытно, что речь идет о философском направлении, история которого хронологически совпадает с прошлым столетием. Такое обстоятельство, естественно, заставляет задуматься о дальнейшей судьбе этого направления в новом, XXI столетии. По данному вопросу высказываются самые различные мнения, и о некоторых из них будет сказано в настоящей книге.

В широком смысле слова аналитическую философию можно трактовать как определенный стиль философского мышления. Он характеризуется такими, например, качествами, как строгость, точность используемой терминологии, осторожное отношение к широким философским обобщениям и спекулятивным рассуждениям. Для философов аналитической ориентации сам процесс аргументации важен не менее, чем достигаемый с его помощью результат. При этом аргументированной убедительности идей отдается явное предпочтение перед их эмоциональным воздействием. Язык, на котором формулируются философские идеи, рассматривается не только как важное средство исследования, но и как самостоятельный объект исследования. Мно-

гие аналитики, хотя и не все, предпочитают опираться на формальную логику, эмпиристскую эпистемологию, данные науки. Разумеется, некоторые из перечисленных качеств присущи и другим направлениям западной философской мысли. Однако ни в одном из них эти качества не являются преобладающими.

Столь широкое определение аналитического стиля, конечно, позволяет включать в аналитическую философию весьма разнообразные явления. Так и происходит в действительности. Аналитическая философия не представляет собой единой школы, ориентирующейся на четко сформулированный набор принципов. Правильнее, на наш взгляд, говорить об *аналитическом движении* в философии XX столетия, по аналогии, скажем, с феноменологическим движением. Именно в этом движении с наибольшей полнотой воплотились те черты стиля философствования, о которых говорилось выше.

К сказанному, пожалуй, можно добавить еще, что представители различных направлений современной философской мысли рассматривают аналитическую философию как своеобразную *метафилософскую* дисциплину, которая может служить основой для широкой дискуссии на Всемирных философских конгрессах последних лет показывают не только нарастание интегративных тенденций, но и то, что терминология и подходы аналитической философии все более осваиваются мировым философским сообществом.

Как в отечественной, так и в зарубежной литературе сложилось немало стереотипных представлений об аналитической философии, которые требуют коррекции. Прежде всего рассмотрим соотношение понятий «аналитическая философия» и «неопозитивизм». Известно, что долгое время в наших публикациях фигурировало только последнее название. Согласно общепринятой точке зрения, неопозитивизм представляет собой третий — новейший — этап развития позитивистской философии, возникшей в середине XIX века. В этом плане любая строгая философия, уделявшая значительное внимание логико-лингвистической стороне обсуждаемых проблем, однозначно квалифицировалась как неопозитивизм. Последний же характеризовался как субъективный идеализм и феноменализм, дополненный некоторыми идеями современной логики.

Изучение истории аналитической философии в XX столетии свидетельствует, однако, о другом. Позитивистские черты были присущи лишь отдельным разновидностям аналитической философии на определенных этапах ее развития. Так, несомненно, позитивистская тенденция главенствовала в концепциях членов Венского кружка (20—30-е годы), в некоторых физикалистских теориях 40-х и 50-х годов; позитивистская окраска также свойственна «натурализованным

ной эпистемологии», не усматривающей разницы между философским и естественнонаучным знанием, и некоторым другим течениям. Тем не менее ошибочно на основе отдельных эпизодов из истории аналитического движения категорически оценивать его как неопозитивизм. Ведь концепции многих ведущих аналитиков, как будет продемонстрировано далее, имели *антипозитивистскую* направленность.

В этой связи можно говорить еще об одном недоразумении в трактовке аналитической философии, которое сложилось в нашей литературе 70-х — начала 80-х годов. Дело в том, что в советской философии тех лет значительное распространение приобрели новые идеи, подчерпнутые из западной философии науки, инициированные, как известно, Карлом Поппером и его сторонниками. Эти идеи имели неоспоримое преимущество над эмпиристско-индуктивистскими концепциями науки и кумулятивистскими моделями ее развития. Данное обстоятельство дало основание ряду исследователей для заявления о полном вытеснении аналитической философии (отождествляемой с неопозитивизмом) из западной философской мысли и замене ее так называемым постпозитивизмом. Одним из негативных последствий такой оценки явилось то, что широкие исследования аналитической философии у нас в стране задержались едва ли не на десятилетия. На деле же новые тенденции коснулись лишь, хотя и важной, но все же одной сферы философского знания — философии науки. В 70-е и 80-е годы аналитическая философия не только не прекратила свое существование, но и претерпела существенные изменения, которые в известном смысле можно охарактеризовать как прогрессивные. Ее роль в культуре стала более заметной. Аналитики начали осваивать новые для себя проблемные области и чутко реагировать на различные веяния в общественной жизни. Более явной стала связь аналитической философии с традициями классической философской мысли прошлого. Это опровергало взгляды тех, кто считал, что аналитическая философия окончательно порывает со всеми формами «традиционного» философствования¹.

Оказалось, что аналитическая традиция современной мысли имеет глубокие корни в истории мировой философии. Упомянем в этой связи лишь некоторые явления и имена.

Аналитический стиль философствования начал вырабатываться еще в древности. Достаточно вспомнить сократическую индукцию,

¹ Основание для таких утверждений давали манифесты логических позитивистов в 30-е годы. С тех пор отношение к «метафизической» проблематике в рамках аналитической философии было кардинально пересмотрено.

платоновскую диалектику (в античном смысле этого слова), аристотелевские «Аналитики», эксплицировавшие формальные структуры мышления и рассуждения, семантические идеи софистов и стоиков и многое другое. Средневековая западноевропейская философия также дает богатый материал в этом отношении. В особенности должны быть отмечены логико-семантические идеи британских схоластиков Дунса Скота и Уильяма Оккама. Схоластические трактаты и диспуты, как бы их не трактовали в последующие периоды развития философской мысли, и сегодня служат эталоном доказательности, аналитичности и концептуальной строгости.

Новоевропейская философия XVII—XVIII веков открыла широкий круг вопросов, связывавших познание и представления о мире с их логико-лингвистической обработкой. При этом, наряду с признанием огромной роли языка в познании, многие авторы обращали внимание на те специфические проблемы, которые порождаются неправильным или логически некорректным употреблением тех или иных языковых форм. Начало такому критическому подходу положил Фрэнсис Бэкон своим учением об «идолах рынка (площади)», которые представляют собой препятствия к познанию истины, возникающие в результате беспорядочной речевой коммуникации людей, не обращающих внимание на различные смыслы употребляемых ими слов и словосочетаний. Томас Гоббс взялся упорядочить наши представления о языке как знаковой системе, служащей для обозначения чувственных образов («фантасмов»), возникающих под воздействием внешних предметов на органы чувств. Его знаменитая классификация знаков лежит в основе аналитико-синтетической методологии исследования естественных и искусственных тел (включая государство). Аналитический стиль философского мышления наиболее полно воплотился в учении Джона Локка, разработавшего так называемую традиционную концепцию образования понятий и положившего в основание своей эпистемологии принцип психологического атомизма, предполагающий рассмотрение познания и мышления как деятельности по комбинированию исходных элементов чувственности — «простых идей».

Этот принцип в его имматериалистической интерпретации был развит Джорджем Беркли, предложившим рассматривать все вещи и явления как комбинации ощущений, источником которых является уже не внешний мир, а Высшее существо. В феноменальном мире Беркли реальная каузальная связь заменена знаковыми отношениями между группами ощущений. В более последовательной феноменалистской доктрине Дэвида Юма вообще ставится под сомнение существование каких-либо субстанций и единственный вид реальности — сфера перцептуального опыта — представлена как сложная

комбинация «впечатлений» и «идей» на основе ассоциативного принципа. В юмовской репрезентативной теории абстракций значительную роль играет *слово*, выполняющее сигнальную функцию в процессе поиска конкретно-чувственного представителя того или иного общего понятия. В XIX веке линия Юма и других британских эмпиристов-аналитиков была продолжена Джоном Стюартом Миллем, который усовершенствовал логико-индуктивные процедуры эмпиристской философии. В целом акцентирование внимания на языковой и эпистемологической стороне философской деятельности становится отличительной чертой англоязычной философии, присущей ей и на современном этапе эволюции аналитического направления.

Однако картина историко-философских предпосылок аналитической философии была бы неполна без упоминания тех «континентальных» учений, которые внесли свою лепту в формирование современного аналитического стиля философствования. В этом отношении можно упомянуть хотя бы три великих имени: Рене Декарт, Готфрид Лейбниц и Иммануил Кант. Так, важно не только то, что Декарт включил в число своих правил метода правило анализа, но и то, что он разработал принципиально новую модель сознания, изменившую все сложившиеся представления в этой области. Философы-аналитики считают Декарта подлинным основателем философии сознания (*philosophy of mind*) в современном ее понимании. Хотя при этом многие из них, начиная с Гилберта Райла, рассматривают картезианскую модель сознания как такую, которая сегодня уже должна быть преодолена. Аналитическому уму Лейбница принадлежит заслуга создания логической теории отношений, адекватно оцененной лишь в начале XX столетия такими учеными, как Бертран Рассел и Луи Кутюра. Трансцендентальная аналитика Канта также должна быть включена в число теоретических предпосылок аналитической философии, причем не только в силу ее названия. Дело в том, что немецкий философ разработал процедуры концептуализации опыта и конструирования объектов познания (прежде всего научного), которые хорошо вписываются в современные представления о развитии научного знания. Одним из излюбленных приемов рассуждения и доказательства для философов-аналитиков служит так называемая трансцендентальная аргументация, имеющая, разумеется, кантианскую основу.

Как видим, аналитическое философствование имеет глубокие исторические корни. Причем список приведенных примеров никак нельзя считать исчерпывающим. Это опровергает не только утверждения противников аналитической философии о том, что она не имеет серьезной основы в истории философской и научной мысли, но и широко-вещательные заявления логических позитивистов 30-х годов о «рево-

люции» в философии и полном разрыве с любыми формами традиционного философствования. В этой связи выскажем довольно рискованную, но имеющую право на существование гипотезу: именно аналитическая философия в XX-м столетии, более чем любая другая философская традиция, наследует идеи и принципы классического философствования. Она становится связующим звеном, обеспечивающим преемственность философского знания. При этом традиционные проблемы философии, конечно, рассматриваются в форме, наиболее соответствующей современной потребности концептуальной строгости и логической ясности.

К сожалению, фактор преемственности не всегда осознается не только противниками аналитического философствования, но и многими аналитиками, придерживающимися своеобразного подхода к истории философии. Речь в данном случае идет о том, что сами аналитики, как правило, не склонны подчеркивать генетическую связь с теми или иными учениями прошлого, несмотря на явные свидетельства в пользу такой связи. Отношение аналитиков (особенно британских) к истории философии обусловлено характерным разделением двух дисциплин: истории философии и истории идей. Последняя рассматривается как нефилософская дисциплина, имеющая дело с конкретно-историческими условиями формирования некоторой системы идей. Считается, что в концептуальном отношении она уступает истории философии, которая является не столько исторической, сколько общетеоретической философской дисциплиной. История философии в понимании аналитиков должна быть освобождена от рассмотрения конкретных деталей и культурно-исторического фона, на котором зарождалась определенная философская концепция. Наиболее важной признается логическая основа концепции и способ ее обоснования. С этим связан избирательный подход к учениям прошлого, которые обсуждаются лишь в том случае, если затронутые в них проблемы вписываются в новейшие философские дискуссии. Взгляды философов прошлого так сопоставляются со взглядами философов наших дней, будто речь идет о современниках. Понятно, что вне зависимости от точности воспроизведения логико-аргументативной основы учений, они подвергаются значительной модернизации. Кстати, резкая дихотомия истории философии и истории идей сказывается и на оценке аналитиками своей собственной истории и квалификации ее отдельных этапов. В этой области создалась парадоксальная ситуация: наиболее содержательные исследования и глубокое осмысление аналитической философии зачастую принадлежат авторам, работающим в иных философских традициях (в особенности герменевтикам и феноменологам). Впрочем, это обстоятельство лишь подтверждает извест-

ное правило, что определенное явление лучше видится со стороны. Таким образом, при всех очевидных достоинствах аналитического стиля мышления современной англо-американской философии понимание историко-философского процесса не относится к числу ее достижений.

Тем не менее все главные школы в интерпретации метода философского анализа демонстрируют зависимость от определенных установок классической философии. Рассмотрим подробнее основные линии в понимании *процедуры анализа*, предложенные философами аналитической традиции.

Одна из первых по времени тенденций в интерпретации анализа — назовем ее фреге-расселовской — предполагает противопоставление «глубинного» логического анализа языка «поверхностному» грамматическому анализу. Представители данной тенденции усматривали в новой — математической — логике универсальное средство решения многих философских и научных проблем, элиминации сомнительных с логической точки зрения сущностей и окончательного разрешения эпистемологических парадоксов. Философ-аналитик, разделяющий подобную установку, выступает в роли своеобразного логического мудреца, которому подвластны скрытые закономерности языка и мышления. Несмотря на то что первые аналитики противопоставляли свой подход подходу объективно-идеалистической метафизики (например, метафизики британского абсолютного идеализма), достаточно заметна зависимость их позиции от магистральной линии европейской метафизики (от Платона до Шопенгауэра), разделявшей сферу видимости и сферу субстанциальных принципов и сущностных структур. Последняя представлена в ранней аналитической философии формально-логическими принципами и структурами, подлежащими экспликации в процессе глубинного анализа. Что же касается пренебрежительного отношения к собственно языковедческому анализу, которое демонстрировали философы рассматриваемой тенденции, то оно впоследствии было преодолено, как только наука о языке стала использовать строгие логические методы. В этом плане создателя трансформационно-генеративной грамматики Ноэма Хомского, опирающегося в своей лингвистической деятельности на формально-логические приемы, также можно отнести к фреге-расселовской линии. В целом, если попытаться обозначить специфику рассматриваемой тенденции в понимании анализа каким-либо ключевым словом, то таким словом могло бы быть, по нашему мнению, слово «глубина».

Другая тенденция в понимании философского анализа связана с деятельностью Дж. Э. Мура. В своих статьях он блестяще использовал

концептуальный анализ в целях перевода (или перефразировки) одних выражений, имеющих неясный смысл, в другие, более ясные выражения естественного языка. При этом переводимые выражения должны оставаться синонимичными. Хотя Мур и не исследовал логико-информационные аспекты синонимии — он вообще редко пользовался средствами математической логики — его метод перефразировки получил широкое распространение и в определенный период развития аналитической традиции являлся преобладающим, предвосхитив подходы так называемой лингвистической философии. Для данного типа анализа характерно пристальное внимание к тончайшим нюансам употребления языковых выражений. Если по примеру рассмотрения предыдущего типа анализа подобрать ключевое слово, то им, вероятно, стало бы слово «ясность». В отношении установления критериев философской ясности Мур, однако, сам высказывался недостаточно ясно, что было подмечено современниками.

Людвиг Витгенштейн — австрийский философ, оставивший столь глубокий след в англоязычной философии, представляет еще одну влиятельную линию в интерпретации философского анализа. В поздний период своего творчества он стал рассматривать язык как деятельность, тесно переплетающуюся с другими — нелингвистическими — видами человеческой деятельности. Оставив задачу выявления априорной структуры языка и его логической формы, общей языку и миру, он обратился к коммуникативной стороне языка. В этом смысле анализ в поздних текстах Витгенштейна выступает как описание функциональной роли слов и выражений, порождающей их значение. Он иначе, нежели Фреге и Рассел, видел различие философского и собственно лингвистического подхода к языку. Витгенштейн, в частности, различал «поверхностную» и «глубинную» грамматику. В первом случае подразумевался обычный грамматический синтаксис, во втором — уровень так называемых языковых игр. Необычно, но факт: «игры» и представляют собой то лежащее на поверхности многообразие употреблений языковых форм, которое способен описывать аналитик. Поэтому «глубинная» грамматика у Витгенштейна не обозначает скрытые от глаз внутренние структуры, имеющие формально-логическую природу. Языковые игры представляют собой взаимопереплетение различных форм человеческой активности. Для человека они выступают как его «формы жизни», в которые он погружен и правилам которых он в той или иной степени следует. Ключевым словом поздневитгенштейновского типа анализа следует, на наш взгляд, считать слово «употребление».

Четвертый вид философского анализа в наибольшей степени при-
сущ деятельности Питера Стросона. Его линия в аналитической фи-

лософии предполагает использование ряда идей и подходов кантовской философии, в частности учение об опыте, а также метод «трансцендентальной аргументации». В основе философии Стросона — логико-лингвистический анализ «базисных понятий» нашей концептуальной схемы и показ их взаимоотношений. Английский философ был одним из первых аналитиков, который в 50-е годы выступил с программой разработки метафизической проблематики в рамках аналитического подхода. При этом он опирался на идеи не только Канта, но и Аристотеля, которых квалифицировал как представителей «дескриптивной метафизики». Последнюю он противопоставлял «ревизирующей метафизике», изменяющей нашу врожденную концептуальную схему (к представителям такой метафизики он, в частности, относил Декарта, Лейбница и Беркли). Таким образом, ключевым словом для обозначения стросоновской линии в аналитической философии будет слово «схема».

Нами выделены лишь главные типы философского анализа, вокруг которых группируются аналитики, представляющие различные национальные традиции, школы и объединения. Расселовский, муровский, витгенштейновский и стросоновский подходы имеют немало сторонников и последователей в новейших концепциях аналитической философии. Хотя следует одновременно учитывать, что ориентация на указанные классические трактовки анализа носит в основном регулятивный характер, направляя и организуя деятельность аналитиков в целом, несколько не предопределяя конкретные решения по тем или иным вопросам. Более того, в деятельности некоторых ведущих аналитиков последних двух десятилетий — Хилари Патнэма, Дональда Дэвидсона, Майкла Даммита, Джона Сёрла, Артура Данто, Томаса Нейгела, Бернарда Уильямса и других можно обнаружить элементы каждой из четырех перечисленных разновидностей философского анализа.

Роль аналитической философии в культуре XX столетия может быть рассмотрена, во-первых, через призму ее отношений к другим направлениям современной философской мысли Запада. Начнем с тех философских направлений, отношение которых к аналитическому стилю мышления не только кажется проблематичным, но и характеризуется откровенным его неприятием. Прежде всего здесь должен быть упомянут экзистенциализм, который однозначно оценивал аналитическую философию как современный вариант позитивизма. Последний — де воплощает собой сциентистскую тенденцию, характерную для эпохи технической цивилизации, и выражает отчужденный характер существования человека в окружающем его мире. Экзистенциалисты полагали, что аналитическая философия полностью исключила

рассмотрение вопросов культуры и человеческих ценностей. Ошибочность такой точки зрения осознали в 70-е годы философы различных экзистенциально-антропологических течений, наследовавших классическому экзистенциализму. Одним из главных факторов, сыгравших решающую роль в этом повороте, явилось открытие «подлинного Витгенштейна», философа, во взглядах которого (особенно ранних) гармонично сочетались логико-лингвистические идеи и оригинальное экзистенциальное видение мира (учение о «невыразимом» и абсолютных ценностях жизни). Резкое противопоставление экзистенциального и аналитического философствования в современной литературе постепенно сходит на нет.

Весьма многогранно отношение аналитической философии и феноменологии. Не следует забывать, что последняя возникает под девизом «строгой науки». Эдмунд Гуссерль и другие ранние феноменологи разделяли антипсихологическую установку создателей современной (математической) логики, представлявших аналитическую традицию. Разумеется, в дальнейшем пути этих традиций в истолковании языка и познания значительно разошлись, но не столько, чтобы их современные представители не могли и не стремились найти общие точки соприкосновения. За последние три десятилетия было проведено несколько совместных конференций и выпущены сборники совместных работ аналитиков и феноменологов. Если, в частности, говорить о ситуации в американской философии, то здесь имеет место почти полное сближение этих тенденций. Главный теоретический орган американских феноменологов, основанный последователем Гуссерля Марвином Фарбером, «Философия и феноменологическое исследование» по стилю и рассматриваемой проблематике ничем не отличается от журналов с отчетливо выраженной аналитической ориентацией. Концепции некоторых философов (например, Родерика Чизолма) оцениваются как вклад в развитие и феноменологии, и аналитической философии. В последние годы в связи с огромным интересом аналитиков к проблеме интенциональности и специфики ментальных актов многие аналитики обратили свой взор к соответствующим исследованиям феноменологов, обладающих несравненно большим опытом в этой теоретической области.

Уже на раннем этапе становления аналитической философии выявились ее точки соприкосновения с психоаналитическими процедурами. Аналитические приемы поздневитгенштейновской философии, направленные на выявление заблуждений, которые порождаются в результате непонимания логики употребления естественного языка и смешения различных языковых игр, напоминали приемы психоаналитиков по выявлению скрытых и подавленных мотивов поведения с по-

мощью интерпретации слов и рассказов пациентов. Некоторые ученики Витгенштейна — Д. Уиздом, М. Лазеровиц и Э. Эмброуз — даже попытались объединить подходы философско-лингвистического анализа и психоанализа. Они отталкивались, в частности, от указания Витгенштейна на то, что нет единой философской методологии, но есть разные методологии, подобные разным *терапиям*. Сам австрийский философ не только сравнивал свою деятельность с деятельностью психоаналитика по выявлению психических заболеваний, но и придавал своей медицинской аналогии весьма серьезное значение. Вышеназванные лингвистические философы (их относят к так называемой школе обыденного языка) разрабатывали линию философской терапии, направленную прежде всего на разоблачение «метафизических» заблуждений. Но уже к началу 60-х годов, когда позитивистские тенденции в аналитической философии окончательно ослабели, влияние терапевтических аналитиков практически исчезло. Это, однако, не отменяет того, что имеется объективное сходство одного из перечисленных типов философского анализа и практики психоанализа.

Одно из самых интересных отношений сложилось между аналитической философией и философской герменевтикой. Известно, что последняя связана с традициями немецкой гуманитарной культуры и дает методологическое основание для интерпретации философских, исторических, юридических и теологических текстов. Сближение аналитической философии и герменевтики осуществляется в последние годы в связи с исследованием проблемы *понимания*. Примечательно, что это одна из главных тем позднего творчества Витгенштейна, на котором как бы замыкаются две ведущие западные философские традиции — немецкоязычная и англоязычная. И аналитики витгенштейновской традиции, и современные герменевтики показывают специфический характер процедур понимания и их отличие от естественнонаучного объяснения. Одним из первых близость подходов аналитической философии и герменевтики в данной области подчеркнул английский ученик Витгенштейна Питер Уинч. Он показал, что сближение этих дисциплин может принести положительные результаты для развития «социальной науки» и совершенствования исследования «иных культур», то есть культур, «формы жизни» которых существенно отличаются от наших. Аналитический стиль философствования характерен для творчества крупнейшего герменевтика наших дней — Поля Рикера. Немецкий философ Карл-Отто Апель выступает своеобразным посредником между двумя традициями: его работы в равной мере принимаются и аналитиками, и герменевтиками. Одним словом, тесное взаимодействие в последние годы герменевтики и фи-

лософского анализа служит примером нарастания интегративных тенденций в западной философии как таковой.

Более сложным является вопрос об отношении аналитической философии и структурализма, получившего особенно широкое распространение во франкоязычной философии. Оба направления имеют дело с анализом определенных языковых форм (слов и предложений в аналитической философии и «текста» и дискурса в структурализме). Для структурализма и аналитической философии (правда, в меньшей степени) характерна сциентистская направленность, уверенность в возможности разрешения сложнейших проблем с помощью строгих научных методов, которые применяются и в сфере гуманитарного знания. Вместе с тем сближения указанных направлений в период расцвета структурализма (60—70-е годы) так и не произошло, причем даже на поле семиотических исследований. Все дело в разном понимании смысла и значения языковых единиц, способов их употребления, соотношения структурных и функциональных аспектов языка, роли языка в человеческой культуре. Внешние сходства структурализма и философского анализа не должны заслонять существующие между ними серьезные различия. Эти различия рельефно проявились в 80-е и 90-е годы, когда классический структурализм трансформировался в постструктуралистские теории, выступающие как характерное проявление так называемого постмодернизма. Одним из вариантов постструктурализма — деконструктивизм — находится в состоянии жесточайшей конкуренции с аналитической философией. Распространение деконструктивизма в Соединенных Штатах привело к своеобразному «конфликту факультетов»: отделения английского языка и литературоведения в университетах выступают в качестве оппонентов философских отделений, на которых преобладает анализ. «Постмодернистский вызов» представляет сегодня наиболее серьезное испытание для академической аналитической философии. В известной степени современная ситуация напоминает противостояние позиций риторики (аналог философии постмодернизма) и диалектики (аналог аналитической философии) в средневековой европейской культуре. Исход спора современных «риториков» и «диалектиков» предсказать очень трудно.

Отношение аналитической философии к другой группе философских направлений, представленных прагматизмом и неопрагматизмом, а также научным материализмом и научным реализмом, является в известной мере «родственным». Эти направления возникли и развивались во многом параллельно развитию аналитического философствования. Что касается, в частности, классического прагматизма, то он, разумеется, возник как специфически американское куль-

турное и идейное течение, но уже работы второго поколения прагматистов — К.И. Льюиса, У. Куайна и Н. Гудмена — по стилю ничем не отличаются от работ собственно философов-аналитиков. Неопрагматисты привнесли свежую струю в аналитическую философию, способствовав преодолению ею этапа логического позитивизма. В этом отношении, в частности, решающее значение имела работа Куайна о «двух догмах эмпиризма», в которой опровергнуто позитивистское разделение аналитического и синтетического знания и редукционистская установка. Прагматисты придали американскому варианту аналитической философии праксеологическую направленность. Разумеется, было бы некорректно представлять отношение аналитической философии и новейшего прагматизма как совершенно безоблачное. К примеру, хорошо известна позиция Ричарда Рорти, одного из «разочаровавшихся» аналитиков, который рассматривает прагматизм как *альтернативу* философскому анализу. Позиция Рорти, однако, не разделяется абсолютным большинством представителей академической философии США, поскольку его интерпретация прагматизма предполагает не только отказ от ряда общепринятых исследовательских установок, но и согласие с постмодернистским разоблачением «идеологем» англосаксонского аналитического рационализма, предельное сближение философии и художественной литературы.

Научный реализм и научный материализм, получившие значительное распространение за последние 20 лет, можно рассматривать как ответвления аналитической философии, тесно связанные с естественнонаучным знанием. Именно в рамках научного материализма были представлены наиболее радикальные решения психофизической (психофизиологической) проблемы типа теории тождества ментального и телесного. Научный реализм выступает в качестве оппонента различных инструменталистских («анти-реализм») концепций научного знания. Однако полемика эта ведется на «поле» аналитической философии, полностью соответствуя установившимся в ней канонам философской дискуссии. Помимо научного реализма с аналитической философией тесно связана такая новая дисциплина, как когнитивная наука, находящаяся на стыке когнитивной психологии, лингвистики, *computer science*, исследований в области искусственного интеллекта и теории информации. Синтез данных этих наук и осуществляется с помощью аналитической методологии и ее концептуальных средств.

Вообще отношение аналитической философии к научному знанию составляет большой вопрос, полное освещение которого потребовало бы немало времени. Поэтому в данном случае мы ограничимся лишь двумя дисциплинами, взаимоотношение которых с этой философией

представляет особую проблему. Речь, во-первых, пойдет о лингвистике. Известно, что одно из течений аналитической философии даже называлось «лингвистической философией». Однако в период наибольшего влияния данного течения (30—40-е годы XX века) оно никак не было связано с главными тенденциями в лингвистической науке. Обе дисциплины долгое время развивались совершенно независимо друг от друга. Впоследствии в лингвистической философии все более стал преобладать интерес к конкретнаучной проблематике, что выразилось, в частности, в программе аналитика Джона Остина по созданию «лингвистической феноменологии» и его знаменитой теории речевых актов (действий). Именно последняя оказалась тем связующим звеном, благодаря которому уже в 50-е годы лингвистика и философский анализ начинают устанавливать взаимоотношение. Сложилась необычная для современности ситуация, когда специальная дисциплина — лингвистика — восприняла конкретную теорию, разработанную в рамках философии.

В настоящее время, как известно, теория речевых актов составляет один из важных разделов лингвистической прагматики. Нечто подобное произошло и с витгенштейновской идеей «языковых игр», а также с муровским методом анализа парадоксальных предложений (типа предложения «Сейчас идет дождь, но я в это не верю»). Среди других примеров аналитической «поддержки» лингвистики назовем разработку аналитиками проблемы референции и значения, концепции синонимии, идеи совпадения мыслительных и языковых структур. Особо следует отметить весьма популярную в последнее время среди лингвистов поздневитгенштейновскую концепцию правилосообразного характера лингвистической и нелингвистической деятельности. Разумеется, отмеченные явления отражают и наметившееся сближение методов математической логики и лингвистики, ведь опора на логику составляет характерную черту аналитического подхода в целом.

В данной связи следует несколько подробнее сказать о взаимоотношении аналитической философии и логики. На начальном этапе развития этой философии ее связи с новой логикой были максимально тесными (вспомним, хотя бы, позицию раннего Рассела, считавшего логику «сущностью философии»). Впоследствии — в период господства лингвистической философии — опора аналитиков на формальную логику была подвергнута критике и потому многие из них сконцентрировали свое внимание на исследовании смыслообразующих и коммуникативных аспектов естественного языка. В этот период собственно логические работы приобретали все более специализированный характер, и потому связь логики и аналитической философии несколько ослабла. В последние же 20 лет противостояние аналитиков,

ориентированных на дескриптивный анализ естественного языка, и тех, кто ориентируется на строгие методы логики, практически исчезло. Теперь аналитики в большинстве своем применяют обе указанные методологии. Вместе с тем бытующее представление об аналитической философии как сводящейся либо к формальной логике, либо к лингвистическому анализу лишено основания. В этой философии четко осознается различие собственно философского и специально-научного подхода. Разработка в рамках аналитической философии вопросов эпистемологии, онтологии, моральной философии и других, естественно, требует использования логико-лингвистических методов, но только к ним не сводится. Аналитические процедуры применяются для решения сугубо философских проблем, многие из которых, как отмечалось, достались аналитикам от классической философии.

Остановимся еще на одном вопросе, касающемся взаимоотношения собственно философских дисциплин в пределах аналитической установки. Дело в том, что на разных этапах развития аналитической философии та или иная аналитическая дисциплина играла роль своеобразного лидера. Если последовательно рассмотреть этот процесс, то представится следующая картина. На раннем этапе ведущей дисциплиной была философия логики (это название впервые ввел Рассел) и связанная с ней эпистемология. На следующем этапе уже эпистемология, получившая более эмпиристскую окраску (в особенности у представителей Венского кружка), выходит на первый план. В центре внимания аналитической философии 60—70-х годов оказывается проблематика философии языка, а позднее — философии сознания (*philosophy of mind*). Интересная ситуация сложилась в аналитической философии последних лет, когда среди аналитических дисциплин на первый план начала выходить политическая философия. И это явление достаточно симптоматично, ибо аналитическая философия теперь не только осваивает новые проблемные области (например, вопросы биоэтики, искусственного интеллекта, права и другие), но и стремится преодолеть стереотип консервативной и чисто академической дисциплины, искусственно изолированной от процессов в общественной и культурной жизни. Акцент, сделанный на политической философии, в которой, разумеется, используются характерные аналитические процедуры, отражает данную тенденцию и новые настроения философов-аналитиков. Кстати, в предыдущие периоды переход на лидирующую позицию происходил более плавно (так, скажем, аналитическая философия сознания долгое время выступала как дополнение философских теорий языкового значения).

Лидирующее положение той или иной аналитической дисциплины на определенном этапе, конечно, не следует преувеличивать. Иссле-

дования в других проблемных областях отнюдь не прекращаются. Кроме того, в согласии с возникшей еще в Античности традицией, корпус аналитических дисциплин обязательно включает три главные составные части: онтологическую (метафизика), логико-эпистемологическую и этическую. Наличие последней также опровергает мнение об аналитической философии как исключительно сциентистском по духу направлении в западной философии.

Феномен лидирующей дисциплины отличается в наши дни от того, что имело место в прошлом. Сейчас для аналитической философии не характерно выдвижение тех или иных широких программ или теоретических манифестов (это было характерно, например, в 20—40-е годы для представителей логического позитивизма). Исследования приняли более специализированный характер, а выдвижение на первый план политической философии обусловлено скорее внешними причинами (обсуждение статуса аналитической философии в сравнении с другими областями знания и вопроса о ее роли в культуре), чем имманентным развитием философии. Помимо этого, новейшей стадии аналитической философии не свойственно заимствование и экстраполяция концептуального аппарата «лидера» на другие дисциплины, что имело место в прошлом.

В заключение необходимо напомнить, что аналитическая философия в наши дни по-прежнему остается преобладающим направлением в англосаксонском мире (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия). Аналитический подход постепенно захватывает ведущие позиции в Скандинавии и Нидерландах, а также в ряде развивающихся стран (например, в Индии). Влияние его чувствуется в странах с иной национальной философской традицией (Германия и Франция, в первую очередь). Так что разговоры о «смерти» аналитической философии несколько преждевременны. Основное распространение она, как отмечалось, имеет в интеллектуальной среде западных университетов. Несомненно появление широкого интереса к данному направлению философской мысли и в отечественной философии последних лет. Этим и вызвана попытка осмыслить сам феномен аналитической философии, предпринятая в данной книге.